

На одном из республиканских смотров художественной самодеятельности в Киеве жюри отметило незаурядный голос разметчика завода «Октябрьская революция» (Борошиловград) Юрия Кравченко. Немного раньше Дмитрий Гнатюк, двадцатилетний парень из Буковины, работавший тогда слесарем на одном из уральских заводов, получил первую премию на областной олимпиаде художественной самодеятельности в Свердловске. А в это время Александр Жила был еще запевалой в колхозном хоре села Смелое, Сумской области.

Прошло несколько лет, и вот в гости к народному артисту СССР профессору И. Паторжинскому (на снимке — в центре) пришли солисты Киевского академического театра оперы и балета (слева направо): Александра Жила, Дмитрий Гнатюк и Юрий Кравченко. А Жила и Д. Гнатюк занимались у И. Паторжинского в консерватории; Ю. Кравченко — ученик профессора Д. Ефущенко.

Сейчас на Украине идет подготовка к новому республиканскому смотру народных талантов. В смотре будут участвовать наиболее способные любители искусства — представители около 77 тысяч различных самодеятельных кружков, в которых участвует свыше миллиона ста шестидесяти тысяч человек.

КИЕВ. (Наш корр.)

Фото Я. Павловича

Партийное собрание ленинградских литераторов

Состоявшееся на днях открытое партийное собрание ленинградских писателей было посвящено культурно-просветительной работе писателей в колхозах.

В. Воеводин в своем докладе говорил о широчайшем размахе, который имеет сентиментальное Пленум ЦК КПСС приобретает связь города и села. Одной из форм этой связи является забота о культурном обслуживании сельского населения. Докладчик упомянул, что в колхозных клубах области за последние время выпущено двенадцать писателей. Нужно, чтобы критика и литературоведы также выступили в колхозных аудиториях с хорошими лекциями о Горьком, Маяковском, о советской литературе, борющейся за мир. В ленинградской писательской организации возникла мысль о регулярном издании сборников маленьких рассказов, фельетонов, сенок по коллективам сельской художественной самодеятельности. Редакция собрания приступает к составлению первого выпуска.

— Но главная наша задача, — подчеркнул В. Воеводина, — отозваться на большие сдвиги, происходящие в колхозной жизни, своим трудом, то есть своими произведениями. Надо активнее участвовать в периодической печати, в газетах, журналах, гораздо активнее, чем мы это делаем.

Докладчик говорил о том, что иногда высказываются мнения, будто сельскохозяйственная тема является темой лишь ограниченной, небольшой группы писателей. Это, конечно, неверно! Было бы правильно, если бы все члены писательской организации и, в первую очередь, коммунисты проверили свои творческие планы и посмотрели, какое место в них может занять участие в этом всеобщем деле, — начиная от выхода в колхоз для выступлений и до работ над большим литературным произведением о людях села.

Интересным было выступление на партийном собрании писателя Н. Григорьева. Совместно с зоотехником Н. Горским он написал сценарий выпущенного на экран полнометражного цветного фильма «Живой пример» — о костремских животноводах. Н. Григорьев поделился своими впечатлениями о поездке на село. Заместитель главного редактора «Ленинградского альманаха» И. Неручев сообщил, что в ближайших номерах альманаха намерено опубликовать материалы, знакомящие читателей с новыми достижениями науки о сельском хозяйстве.

На собрании выступили также: Г. Матвеев, М. Левитин, М. Климентова и другие.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

Чествование старейшего якутского писателя

Президиум Союза советских писателей СССР обратился к старейшему якутскому писателю, краеведу и публицисту Михаилу Николаевичу Тимофееву-Терешкину с приветственной телеграммой, в которой горячо поздравляет его с 70-летием со дня рождения.

Начав литературную деятельность в 1908 году, Михаил Николаевич с тех пор постоянно сотрудничает в якутской и русской печати, выступая со стихотворениями, статьями, очерками.

В годы Великой Отечественной войны вышли его первые книги на русском языке: «Якуты на войне», «Якуты в тылу». В 1944 году был удостоен премии на Всесоюзном конкурсе на лучшую детскую книгу его сборник «Воспоминания о войне» (военные легенды якутов).

В послевоенные годы на русском языке изданы книги М. Н. Тимофеева-Терешкина «Песни борьбы и труда», «Избранное» и «Якутские сказки». Сейчас писатель продолжает работу над воспоминаниями «На рубеже двух эпох», а также над новой повестью.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

из хроники культурной жизни

* Книжные магазины на Украине. В нынешнем году в городах, районных центрах и селах Украины открылось 43 книжных магазина. Сейчас в республике торгуют книгами 987 специализированных магазинов, в 452 книжки «Главкниготорг», а также большое количество сельских магазинов, потребительской кооперации.

* Для школьников Дагестана. Коллективом научных сотрудников Дагестанского научно-исследовательского института школ составлено семь учебников русского языка для перуанской школы республиканского, кумыкского, аварского, табасаранского, лакского и других учебных книг предложены словари. Первые составлены хрестоматия по дагестанской литературе на пяти языках для пятых — седьмых классов.

* В рабочем поселке домостроительного комбината (Молодежная область) открыт новый клуб. Он имеет зал на 450 мест, комнаты для занятий кружков художественной самодеятельности и для отдыха, библиотеку, читальню. На снимке — фасад нового клуба

Фото В. Визули

* Новая газета. Вышел первый номер газеты «Тарбинник Мокино» («Советский учитель») — органа Министерства просвещения Литовской ССР и республиканского комитета профсоюза работников просвещения.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 145 (3174)

Вторник, 8 декабря 1953 г.

Цена 40 коп.

Что говорят в Корее об американской провокации

Я только что прибыл в Корею, и мне хотелось бы начать свой рассказ о том, что происходит в этой стране, совсем не с того, чему посвящена эта статья. Но я не имел права не написать ее именно сейчас. Меня вынудил к этому переломный и живой голос.

Вечером я включил радиоприемник, чтобы узнать, как живет родная страна. Слова, заставившие меня прекратить чтение, были произнесены на английском языке. Находящийся на расстоянии нескольких тысяч миль от Кореи американский диктор сообщил, что в ООН обсуждалась американская жалоба на «зверское» обращение корейских властей к военнопленным из состава «вооруженных сил ООН».

Трудно было предположить, что такое обсуждение может состояться. Казалось, что бандит, будучи задержанным после того, как он ограбил и поджег дом, вырезал семью и надругался над трупом, все-таки не решится предъявлять претензии даже в том случае, если в камере, куда его посадили, не оказалось ванны и холодильника.

Но, очевидно, нравы уголовного мира все же чище политических нравов американского империализма. Испепеленная Корея. Зимний ветер леденит оставшихся без крова и котельных в лагутах людей. В руинах — многострадальный Пхеньян. Кровавоотчужденная фугасами и сожженной напалмом земля. И вот раздается каркающий голос американского диктора...

Ну, хорошо. Эмоция ни к чему, когда вступаешь в полемику с официальной Америкой. Кровь не заставляет ее сорогаться — она вылетит в ней доллары.

Будем говорить языком фактов. Итак, вы утверждаете, что к вашим солдатам и офицерам, после того как они жили в Корею, были карьерно по городским улицам, стреляли из пулеметов по крестьянам, работавшим на рисовых полях, и, наконец, были взяты в плен, плохо относились в лагерях.

Итак, факты. Явив миру великие образцы героизма, корейцы и китайцы показали пример и непревзойденного благородства. Они не разделили военнопленных и не призывали своим солдатам растерзать их из тяжелых и легких пулеметов, как делал это в свое время в порту Ничон капитан армии Соединенных Штатов Гаррисон. Они не давали грузовикам военнопленных, как делал это на вокзале в Тонна солдаты американского жандармского капитана Армстронга из четвертого полка американской армии. Они не устраивали кровавой резни военнопленных, подобной той, что устроили американцы в лагере Пусана и острова Боккедо. После того, как убийцы в американской военной форме были обезоружены и пленены, корейцы обращались с ними как с людьми и обеспечили им жизнь более удобную, чем та, которой жили они сами.

Начнем по порядку. Прежде чем продолжать эту статью, я вышел на пхеньянскую улицу, если только можно назвать уличной дорожку, образованную двумя бесконечными рядами руин. С огромным трудом нашел я место, где помещался раньше один из лагерей для военнопленных. Три года тому назад это было обширное помещение. В мирные годы в нем размещался школа. Я помню, как вошел в бывший класс. Там еще стояли единственные в стене парты. В центре комнаты находился большой стол, возле него — скамьи. Несколько американских солдат играли в карты. Они сидели верхом на парте и нагнурывали на губной гармошке. Другой брелся, поставив зеркало на подоконник. Я обратил внимание на то, что летняя военная форма, в которую были одеты американцы, выглядела чисто, а сами они — чисто выбритыми.

Во время нашей беседы ни один из американцев не жаловался ни на плохое обращение, ни даже на еду и способ ее приготовления. И — я не боюсь в этом признаться — я не поверил, что корейцы, часто довольствовавшиеся в те дни двумя горстями спрессованного холодного риса и тарелкой супа, который непривычен европейцу, действительно заботились о специальном меню для плененных врагов.

Я спросил пленных: кто им готовит пищу? Они ответили, что готовят им свой же американец, которому корейцы ежедневно доставляют говядину и овощи. Я попросил корейцев показать мне лагерьную кухню. На лице сопровождающего меня офицера Народной армии промелькнула легкая, чуть проницаемая улыбка, очевидно, он почувствовал мое сомнение.

Кухня помещалась во дворе под навесом — здесь было тепло. Рыжий пареня в синей куртке на затылке повязанной с застегнутыми рукавами военной рубашки и орудовавший в котле, дожидался от меня. Я залез на «котел». Варился мясной суп. Тот прожорливый аппетитный запах! Повар улыбнулся, поинтересуясь, закупаю ли суп по моему вкусу. «Халло, чиф», — и, зачерпнув черпаком суп, протянул попробовать корейскому офицеру. Тот мгновенно сжал зубы, на лице его на секунду появилось выражение отвращения. Он посмотрел на американца прямо в глаза, как бы говоря, что не желает поддаться из рук американского солдата пище, которую давно уже не видели корейцы, но тут же взял себя в руки и спросил повара, доволен ли он про-

Уже не первый месяц американская реакция, пытаясь усилить международную напряженность и помешать созыву политическим конференциям для урегулирования корейского вопроса, носит с открытой ненавистью о «зверствах» над военнопленными из состава так называемых войск ООН.

Продолжая свой пропагандистский маневр, американская делегация в ООН пыталась эту фальшивку на обсуждение VIII сессии Генеральной Ассамблеи. Как известно, послушное США большинство Ассамблеи проштамповало позорную резолюцию, состряпанную американскими дипломатами. Заокеевские провокаторы после этого ушли в печать и по радио клеветническую пропаганду против корейского и китайского народов.

Но факты снова и снова разоблачают организаторов этой клеветнической кампании. С трибуны Генеральной Ассамблеи делегаты СССР, Польши, Чехословакии, Украины и Белоруссии с фактами в руках уличили авторов американской фальшивки во лжи и клевете. Правда о гуманном, человечном отношении к военнопленным в северокорейских лагерях, правда о массовых зверствах, совершенных американскими интервентами и их подручными в Корею против мирного гражданского населения, против корейских и китайских военнопленных, становится достоянием мирового общественного мнения.

дуться. Находясь рядом переводчик перевел его вопрос.

— О'кей, — ответил американец, ухмыльнувшись.

— А вчера? А позавчера? — снова спросил офицер.

— О'кей, — сказал повар.

Мы ушли.

Я долго еще оставался в лагере. Побывав в офицерском помещении. Офицеры содержались отдельно от солдат, хотя, разумеется, могли общаться с ними, если бы захотели. Там стояли ряды аккуратно застеленных ковриков. Из окна были видны разрушения Пхеньяна. Мне стало не по себе. В те дни я уже побывал на фронте, видел в Тонгхэ железнобетонный туннель, в который американцы согнали сотни мирных жителей, чтобы затем простреливать туннель из пулеметов, видел фотоснимки, найденные корейцами у плененных американцев, снимки, на которых были запечатлены повешенные за ночь солдаты Народной армии и отрубленные головы...

Я понимаю, что только великое благородство могло дать силы корейскому народу так гуманно обращаться с обезвреженными врагами. С тех пор прошло три года. И вот я снова в Корею. Мне придется встретиться и беседовать с некоторыми работниками государственного и армейского аппарата. В беседах я спрашиваю:

— Как вы относитесь к поставленному американцами в ООН вопросу о вашем отношении к военнопленным?

Мне трудно передать их ответы. Некоторые просто пожали плечами, другие произносили слова неопределенного возмущения. Но вот в Министерстве культуры и пропаганды мне сказали:

— Послушайте лучше самих американцев.

— Но ведь их здесь нет, — недоуменно заметил я.

— Их к счастью, нет, — усмехнулся работник министерства, — но... Вот почитайте. — И он протянул мне папку журналов.

Это был комплект лагерных журналов, издававшихся самими военнопленными на английском языке. Я просмотрел этот комплект. И понял, что работный министерства был прав и что я действительно могу разговаривать с американцами на расстоянии. И теперь, когда самый длинный и самый живой в мире язык «Голоса Америки» утверждает, что возвращающиеся из плена американцы заявляют о плохом с ними обращении, мне хочется сказать джентльменам из ООН, писателям из американских буржуазных газет, вам, малоуважаемый журнал, чей голос я не мог слышать без возмущения:

— Пусть выступит по радио бывший военнопленный лагерь № 3 М. И. Санчес и пусть он повторит то, что писал в им же издаваемом лагерном журнале о военнопленном состоянии, состоявшемся 24 февраля 1953 года. Слушайте, слушайте. Говорит М. И. Санчес:

«В последнее время в лагере № 3 все более активно ведется подготовка к спортивным состязаниям. Многие пленные умели кататься на коньках. Однако в связи с предстоящим состязанием все стали энергично проводить тренировки.

Вокруг нашего катка возмущаются снежные горы... Под флагом Красного Креста заняли места санитарные работники китайских народных добровольческих отрядов...»

Попросите слово перед микрофоном и вы, американский гражданин Д. Е. Куарлес, бывший военнопленный и вассальный клуб лагерь № 4. Вы смогли бы рассказать, как уже писали в лагерном журнале № 5 за 1953 год о том, что «клуб нашего лагеря был создан для обслуживания всех членов нашей роты. У нас в библиотеке поставили столы и стеллажи для журналов, сделали полки для газет... Часто проводятся футбольные состязания. Кроме того, мы имеем возможность играть на гитаре, слушать лекции...»

А вы, Билли Хопланд? Ведь вы даже обязаны кое-чем администрации лагеря. Вам же было никакого смысла говорить неправду, когда вы писали:

«Перед тем, как я попал в лагерь, я не получил школьного образования... В первое время написать письмо родным и друзьям для меня было таким делом, так как для этого я должен был диктовать другим... Узнав об этом, администрация лагеря вызвала меня к себе, и китайский товарищ по имени Чен предложил мне учиться у него читать и писать. Мне было стыдно. По его совету с того дня я стал заниматься с ним. В настоящее время в результате этого я умею читать и немного писать».

Ну вот, Билли Хопланд, теперь вы умеете писать. Может быть, вы используете свое умение для того, чтобы написать господам из ООН правду о товарище Чене?

А вы, мистер Хур Барбор? Ведь вы по происхождению ирландец. Вы писали:

«При мысли о том, когда я вновь смогу отпраздновать день рождения Патрика у себя на родном, мне становилось грустно».

Как же вы отпраздновали в лагере этот любимый ирландский праздник?

«В тот день», — рассказывали вы, — китайские народные добровольцы специально приготовили праздничные блюда... Потом танцевали ирландский танец...»

Вы хотели выразить «благодарность китайским народным добровольцам, сделавшим так, чтобы мы смогли весело провести праздник святого Патрика».

Не так ли? Сделайте это сейчас во всеуслышание — момент подходящий!

Я понимаю, вам неслучайно будет повторить правду о своем пребывании в плену — вам, Санчес, вам, Куарлес, вам, Билли Хопланд, и вам, Хур Барбор! Те, кто послал нас в Корею на позор и бедствие, те, кто заставил нас разрушать города, убивать людей только за то, что они захотели жить свободно и независимо, — позаволось о том, чтобы вы молчали или говорили что-нибудь хорошее.

Джентльмены из госдепартамента пытаются утверждать, что ваши правдивые слова влекут за собой, поскольку были произнесены в плену. Но вы-то не были в плену, мистер Корно! Во главе подгруппы Красного Креста из представителей со стороны ООН вы посетили в августе этого года лагерь для военнопленных в районе Намхю. Вы стояли свободный и независимый по должности своей, подчиняющийся только правде, когда произнесли нижеследующие слова:

«Я видел много мяса, рыбы, овощей и риса на кухне лагеря. Вы живете в очень хороших условиях».

Падешь, вы не забыли этих своих слов, ведь их слышали все. На всякий случай можно напомнить, что при посещении лагеря № 12 вы несколько раз повторили: «Очень хорошо!». Так скажите и теперь во всеуслышание по радио, в газетах, с трибуны — скажите правду, только правду, и да поможет вам бог!

А теперь то, что мне хотелось сказать в заключение. В последнее время в Пхеньяне и в других городах и селах Корейской Народно-Демократической Республики вернулись многие бывшие военнопленные солдаты и офицеры Народной армии. Они рассказывают правду об американских лагерях. Они рассказывают эту страшную правду повсюду — в кругу своих товарищей по оружию, рассказывают ее среди руин разрушенного Пхеньяна, в семье, собравшейся в холодной глинобитной хиле, и суровой восточной американской страны встает страшным фоном за их спинами. И на этом фоне слова этих простых людей звучат, как набатный колокол.

Они рассказывают о том, что злодеяния американцев в лагерях были не единичными, не случайными, но являлись звеньями жестокой варварской системы. И становится ясно, что не было ни одного американского лагеря, где бы не убивали военнопленных. Американцы мобилизовали три полка с танками, артиллерией и газовыми бомбами и в течение нескольких часов убили несколько сот и ранили несколько тысяч военнопленных корейцев. Американцы заставляли людей танковать, бросали людей в котлы с кипящей водой, натравливали на них собак, топили в воде, избивали палками. Они пытались людей при помощи электричества, превращали их в мишени, чтобы проверить меткость своих солдат и глубины прохождения пули. Они сдирали с военнопленных кожу, зарывали их живыми в землю, обливали бензином и поджигали, душили людей в корабельных тирях...

Люди рассказывают, как, попирая все международные законы, американцы заставляли военнопленных строить военные сооружения, угрозами заставляли их менять религию и непослушных бросали в обжигающие печи или, облив водой, заставляли их зимой стоять на улице на коленях.

Они рассказывают, как американцы заставляли военнопленных делать ожившую работу, принуждая их отбивать войдя придорожные камни или бесцельно дробить скальные породы.

Пусть американские варвары замечают свои следы, пусть бандит кричит: держите вора! Но пусть господа из госдепартамента, потирающие на трибуну ООН, не вынимают рук из карманов — с них каплет кровь. Факты — упрямая вещь. Их можно сжечь, топить в бензиновых бочках, зарывать в землю, но они востают из пепла, пробьются на поверхность. Весь мир должен знать о благодеянии корейского народа, который испил до дна чашу великих испытаний, но остался человечным по отношению к смертельному врагу, весь мир должен знать о подлости заокеанских убийц!

Александр ЧАКОВСКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты» ПХЕНЬЯН, 7 декабря. (По телеграфу)

50 международных встреч

Раньше, когда итоги футбольного сезона, мы обычно старательно рассматривали таблицу чемпионатов, подсчитывая число побед и поражений, сопоставляли вбитые и пропущенные мячи. И лишь на этом основании строили различные выводы и предположения об успехах наших лучших команд.

Нет сомнений: в футболе число вбитых и пропущенных голов имеет решающее значение. Но если один и те же коллективы будут бесконечно встречаться между собой, то класс их игры не повысится, а понизится.

Минувший сезон отличается от прошлых прежде всего тем, что наши первоклассные команды не только чаще принимали на своих полях сильные зарубежные клубы, но и чаще гостили у них. В этом году флаги 13 стран развеваются на баханах стадионов. Международных встреч было: в 1949 году — 3, в 1950 году — 3, в 1951 году — 17, в 1952 году — 15, в 1953 году — 50!

В этих пятидесяти матчах советские футболисты выиграли 31 встречу, проиграли 10, свели вничью 9.

Международных встреч было в 1953 году больше, чем за последние четыре года вместе взятых. Это — первая особенность сезона. Вторая — заключается в широкой «географии» зарубежных встреч. Третья состоит в том, что наши футболисты состязались с сильнейшими командами Европы: «Гонвед» и клуб им. Дожа (Будапешт), «Ранга» (Вена), сборная Чехословакии и другие.

Напомним итоги этих встреч. Первоклассные венгерские клубы в этом сезоне четыре раза играли с советскими футболистами. Два раза выиграли (каждый раз с превосходством в один мяч), один раз проиграли и одну встречу свели к ничьей. Венский «Ранга» потерпел поражение от «Спартак» и выиграл у московских динамовцев (тоже с превосходством в один мяч). Сборная Чехословакии трижды состязалась с московскими клубами; первый раз проиграла, второй — выиграла и третий — свела к ничейному итогу. Упорная борьба!

К этому следует добавить победы, одержанные нашими командами в Болгарии, Польше, Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии и других странах; и в то же время проигрыши футболистам Румынии, Болгарии и Германской Демократической Республики. Что же показали международные встречи? Прежде всего бросилось в глаза, что техника наших футболистов растет медленно. Это заметно было даже в состязаниях, где советские команды побеждали. Венгры и румыны, например, свободно обращались с мячом на больших скоростях; игроки «Спартак» и «Динамо» уступали им в этом. Неумение играть на больших скоростях особенно сказывалось во встречах динамовцев Тбилиси с румынскими футболистами. В какой-то мере это положение послужило причиной и неудач московской команды «Торпедо» в Германской Демократической Республике.

Заметны были также наши промахи в борьбе за высокие мячи. Нечетко еще у большинства наших футболистов удары по воротам (это мы, впрочем, наблюдали и у гостей).

Еще и еще раз встает вопрос о повышении техники игры наших футболистов. Многие из них, к сожалению, слишком поздно овладевают мастерством. Видимо, более серьезно нужно отнестись к учебе в юношеских коллективах, чтобы, прежде в команды мастеров, игроки уже овладели техникой.

Международные встречи выявили и большие положительные стороны советского футбола. Наши команды играют коллективно, дружно. Это прежде всего было заметно у спартаковцев. Выгодное впечатление оставляла гибкая, продуманная тактика игры московского «Спартак» и «Динамо», а также ленинградского «Зенита», который добился больших успехов в Финляндии и Норвегии. Состязания поздней осени показали и хорошую физическую подготовку игроков.

Сделав лишь первый шаг на пути к повышению класса советского футбола. Теперь нужно готовиться к новым встречам с соперниками, среди которых будут и еще более сильные команды. Только в состязании с командами высокого класса можно повысить мастерство игры в футбол.

М. МЕРЖАНОВ

Самые молодые

Можно ли детям заниматься фигурным катанием на коньках? Не повредит ли это их здоровью, не будет ли помехой в учении такое раннее увлечение спортом? Еще недавно вокруг этих вопросов возникали жаркие споры. Утверждали, что детям дошкольного возраста вообще нельзя становиться на коньки.

Это привело к тому, что фигурное катание — спорт прежде всего юных — стало хитрым, все меньше участников привлекало современное поколение. Из года в год чемпионаты СССР, Москвы и Ленинграда по фигурному катанию становились людьми в возрасте 30—40 лет.

Но вот в 1949 году на стадионе юных пионеров в Москве под руководством заслуженного мастера спорта Т. Гранаткина была создана школа юных фигуристов. Затем открылись детские школы на стадионе «Динамо» под руководством К. Лихарева, при обществе «Спартак» — под руководством Г. Фелицына, а также при обществе «Искра».

Именно эти школы вывели на арену таланты фигурного спорта. В 1953 году чемпионкой Москвы стала тринадцатилетняя Татьяна Лихарева.

Теперь в нашей стране нет более «молодого» вида спорта, чем фигурное катание. Большинство фигуристов — дети и юноши. Многие из тех, кто в 1949 году впервые встал на лед, сейчас являются спортсменами первого разряда; им от тринадцати до шестнадцати лет. Недаром же чемпионом СССР по фигурному катанию В. Захарова в шутку называют «стариком», ему 20 лет.

Практика последних лет доказала: детям, даже дошкольного возраста, полезно кататься на коньках. (Конечно, под наблюдением опытного тренера и врача). Чтобы убедиться в этом, стоит посмотреть, например, как уверенно чувствует себя на льду пятилетняя Татьяна Лихарева.

Скоро мы увидим многих юных фигуристов на льду — предстанут интересные соревнования. Одно из них будет проведено в Калуге в дни школьных каникул. Здесь встретятся юные фигуристы девяти городов. Эти соревнования называют «малым первенством СССР».

Гимнастику — на стадионы!

Всесоюзное первенство гимнастов, состоявшееся недавно на ленинградском зимнем стадионе с участием команд всех союзных республик, было самым крупным за год соревнованием по этому виду спорта. Присутствовавшие на соревнованиях представители Международной федерации гимнастики высоко оценили мастерство советских спортсменов.

Возвратившись в Москву главный судья соревнований Н. Миронов рассказал:

— Известно, что многие директоры стадионов и залов не очень-то охотно соглашались проводить у себя встречи гимнастов. Считается, что гимнастика принадлежит к тем видам спорта, которые не могут привлечь большого количества зрителей. В Ленинграде это мнение было опровергнуто самими зрителями. Чуть не с шести часов утра у касс зимнего стадиона выстраивались очереди за билетами. На стадионе менее двух тысяч мест для зрителей. Директор стадиона А. Шляхверский распорядился установить разборные трибуны, что дало еще четыре тысячи мест. И все же только небольшая часть желающих посмотреть соревнования могла бы привлечь 15—20 тысяч зрителей.

Это доказывает, что гимнастике надо вынести на стадионы, показывать миллионы зрителей, у которых она пользуется большой любовью. И одновременно пора подумать о строительстве в крупных городах нескольких больших крытых стадионов с трибунами на двадцать и более тысяч человек.

Пока же мы вынуждены проводить даже всеобщие чемпионаты в помещениях, где с трудом можно разместить несколько сот зрителей, лишая, таким образом, эти соревнования их огромного пропагандистского значения.

Можно смело утверждать, что та высокая спортивная техника, которой достигли наши лучшие гимнасты, привлекает на стадионы множество зрителей, в особенности если программа таких встреч будет составлять интересное, занимательное.

Рекорд метателя С. Ненашева

5 декабря, в День Конституции СССР, состоялся ряд соревнований. В Златоусте лыжники открыли сезон. В Свердловске состязались конькобежцы. В Москве, а также в закрытых залах, состоялись встречи пловцов, ватерполистов, волейболистов, баскетболистов.

В Баку, где выступали легкоатлеты, исключительного успеха добился молодой спортсмен, чемпион страны Станислав Ненашев. Он метнул молот на 60 метров 70 сантиметров. Это новый всеобщий рекорд в один из лучших результатов нынешнего года в мире.

ДВЕ ПИСАТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В жизни писательской организации Чувашии, в редакциях ее печатных органов, на заседаниях правления и творческих секций легко заметить формальное отношение к делу, какое-то равнодушие. Если бы в помощники ССП Чувашии календарь показывал не осень 1953 года, а весну 1951-го, никто бы этого не заметил. В таком утверждении нет преувеличения. Атмосфера самоуспокоенности, царившая здесь два года назад, не изменилась и сейчас. В повестках для очередных заседаний правления ССП попрежнему много второстепенных вопросов, весьма далеких от литературы, а хорошие книги выходят мало. В ежемесячном журнале «Ялав» («Знамя»), в альманахе «Тавала Атал» («Родная Волга») и «Дружба» печатаются серые, безликие произведения.

Казалось бы, наличие трех печатных органов должно способствовать творческой активности местных писателей. Но, к сожалению, ведущий журнал «Ялав» по-прежнему является не столько гордостью, сколько горем чувашской писательской организации.

После суровой критики журнала в местной партийной печати редактор А. Эсхель, выступая на собрании писателей, попытался вскрыть причины неудовлетворительной работы журнала. По его мнению, «Ялав» плох потому, что писатели не приносят в редакцию новых произведений: страницы журнала приходится заполнять тем, что оказывается под рукой. Замечание, скажем прямо, оправдывающее пассивность редакции.

А читатель не устает протестовать против рассказов и очерков, в которых елется бегать пуще жизни; он пишет возмущенные и требовательные письма в редакцию, в Союз писателей. (Нужно сказать, эти письма, к стыду организации, иногда остаются нераспечатанными). Возмущают августовскую выжимку журнала. Только лютострой редакционного портфеля можно объяснить пассивность слабого рассказчика В. Саака «Нет причины сердаться». Давно уже применялась в литературе фигура студента, который, возвращаясь из города в родное село, тут же, в поле, не заходя домой, присоединяется к работающим колхозникам. Традиционна в худшем понимании этого слова и образ деда Егора, одного из тех «дедов-баричков», которые вытучивают рассказы в рассказах, из повести в повесть многих чувашских писателей.

На упомянутом собрании писателей, в котором приняла участие читателя, указывалось, что в пяти из шестнадцати номеров журнала за 1952—1953 гг. вовсе отсутствуют критические статьи. Из одиннадцати помещенных за это время статей две носят обзорный, поверхностный характер (статьи Н. Ильбека «Создадим хорошие книги для детей» и А. Артемьева «О рассказчике»). Журнал за 16 месяцев не опубликовал ни одной работы по вопросам писательского мастерства, не коснулся проблемы типичности в литературе. Не высту- пают на страницах своего журнала народные поэты Чувашии Я. Ухсай, С. Эльгер, прозаики А. Талиев, К. Турхан и др. Журнал попрежнему выходит с большим опозданием. Так, номер с редакционной статьей «Великий писатель-революционер», посвященный Н. Г. Чернышевскому, читателям поступил в день, когда страна отмечала уже новую памятную дату — 125-летие со дня рождения Л. Н. Толстого. Причем статья оказалась неоригинальной. Искренне любящие литературу читатели в открытом письме на имя редактора А. Эсхеля не замедлили указать на источник компиляции — на статьи Е. Боголюбова и Н. Бельчикова.

На недостатках печатных органов ССП Чувашии не раз указывал чувашский обком партии. Критиковались они и на страницах «Литературной газеты». Как же реагировала на критику писательская организация? Установилась неважная

Леоид ЕЛИСЕЕВ

практика: поговорить, пожулить кое-кого, принять соответствующее «решение» и успокоиться до следующего неприятного разговора все о тех же ошибках и недочетах. Правление ССП Чувашии 31 июля 1952 года постановило: «Привлечь к активному участию в журнале «Ялав» и альманахе «Родная Волга» всех писателей и, прежде всего, ведущих литераторов. Обязать редакторов журнала «Ялав» и альманаха «Родная Волга» обеспечить полную коллективность в работе редакционных коллегий». На заседании правления 29 ноября 1952 года после обсуждения трех номеров журнала постановили: «Поручить А. Эсхелю, В. Алагу и А. Ага, учитывая высказывания, разработать мероприятия для улучшения журнала «Ялав». 11 февраля 1953 года в протокол снова записывается: «Предложить переизданию журнала «Ялав» в ближайшее время добиться проведения в жизнь решения правления ССП Чувашии от 31.VII.52 г. по поводу статьи А. Успенского «На положении лисы», опубликованной в «Литературной газете». 27 апреля 1953 года очередной протокол заседания правления обязывает еще одной записью: «Отметить, что члены и кандидаты ССП все еще мало участвуют в работе журнала». Наконец, 24 сентября постановлено: «Руководителям редакционных правлений ССП Чувашии прекратить заниматься работой журнала «Ялав».

«Указывать, обязывать, обеспечивать», «предложить», «отметить» — эти слова в правлении ССП Чувашии содействуют видности заботы о журнале, а на деле они прикрывают уход от ответственности.

Правление ССП Чувашии (председатель М. Шумков) равнодушно смотрит на снижение творческой активности писателей. Между тем многие факты вызывают тревогу. Ряд чувашских писателей уходит от вопросов современности, закрывает глаза на глубокие жизненные конфликты современности. В чувашской прозе до сих пор преобладают произведения, написанные на материале войны и первых послевоенных лет. Один из вышедших чувашских прозаиков А. Атагов за последние годы не создал значительных произведений и довольствуется многочисленными переизданиями своих старых книг. Такая пассивная позиция устраивает не только А. Атагова, но и некоторых других писателей. Устраивает ли она читателя? Нет, читатель реагирует на такое положение по-иному. Он не покупает серых книг, и тем более их переиздания. Из 10.000 экземпляров сборника стихов А. Эсхеля «Любимая земля», переизданного за последние семь лет несколько раз, 7971 экземпляр лежит мертвым грузом на складе. Там же лежат себе уютно и сборники стихов У. Мишши.

Деловые творческие обсуждения на собраниях секций зачастую подменяются искусственным словословием. На одном из заседаний поэтической секции при обсуждении стихов молодого русского поэта И. Пиняева раздавался голос, что его «сейчас можно считать в полном смысле слова поэтом». С. Эльгер утверждал: «Пиняев вполне зрелый. Читал его стихи, но мало» (!). С последним, пожалуй, нетрудно согласиться. Вероятно, Эльгер воздержался бы от выдачи Пиняеву аттестата зрелости, если бы прочитал в альманахе «Дружба» также стихи молодого поэта:

Мой товарищ был в войну танкистом
Первого гвардейского полка.
Под Москвою он давил фашистов
И в Берлине им ломал бока.

«Зрелый», «мастер», «гордость чувашской литературы» — такими эпитетами

был обласкан и молодой прозаик А. Артемьев. Как видно, наслушавшись чрезмерных похвал, он, по примеру старших товарищей, ополчился на трудоемкий и малоудовлетворяющий переизданием старых произведений.

Если в писательской организации нет подлинной ответственности за общее дело, то легко терять чувство ответственности и отдельные писатели. Многие из них «покупают» жизнь из ома Дома Союза писателей. Постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС о мерах дальнейшего развития социалистического сельского хозяйства ко многим обязывает писателей. Остатки в стороне от этих задач — значит обречь себя на творческое бедствие.

Заметным оживлением творческой жизни отвечает на деловую критику ближайших соседей чувашских писателей — их мордовские собратья. Здесь намерено называть мордовская писательская организация не столько из-за ее близкого соседства, сколько потому, что она была тем же близким, что и писатели Чувашии. В писательской организации Мордовии тоже ощущался творческий спад, не было благоприятных в альманахе «Литературная Мордовия». Из суровой, справедливой критики мордовские писатели постарались извлечь урок. На обсуждениях новых рукописей можно услышать деловую принципиальную критику. Проявлено стремление познакомиться русского читателя с современной мордовской поэзией: за последние месяцы изданы на русском языке сборники стихов Артура Мора, Николая Эрика, Александра Мартынова, Ильи Левина, Серафима Вечканова.

О том, что писатели Мордовии добиваются охорашивания творческой обстановки, можно судить по характеру обсуждения нового романа мордовского прозаика А. Лукьянова «Светлый путь». А. Лукьянов вынес на суд писательской общественности не совершенное произведение. Автору при разбор недостатков его романа указали и на то, что роман во многом повторяет сюжетные линии «Жатвы» и «Кавалера Золотой Звезды». После того, как А. Лукьянов проделал дополнительную работу, его роман обрел на заседании правления с участием писательского актива и работников издательства.

Сделав выводы из критики и редакции альманаха «Литературная Мордовия», заметно улучшить работу с авторами. Третья часть романа Я. Слупкина «Семья Коткуровых», напечатанная в последнем номере альманаха, лучше предыдущих. Альманах стал разнообразнее по тематике, из его страниц появились рассказы и очерки о людях социалистической Мордовии. В критическом отделе сдается отметить статью Н. Видманова «О стихах Ильи Крыжовель». Наряду с положительными сторонами творчества одного из старейших мордовских поэтов, критик справедливо указывает и на растянность, абстрактность и схематизм многих стихов Крыжовельева. Вполне обоснован упрек критике в том, что Крыжовельев, свидетель огромных социалистических преобразований в Мордовии, не отразил их с должной полнотой в своем творчестве.

Успехи мордовских писателей еще не слишком заметны, у организации еще есть существенные недостатки, но направление в работе взято правильное.

Мы не склонны в нашем сопоставлении двух писательских организаций ставить одну из них в пример другой: как писатели Мордовии, так и писатели Чувашии предстоит много работать, прежде чем они смогут удовлетворить возросшие вкусы читателей. Но следует подчеркнуть старую истину: тот писательский коллектив ближе к творческим достижениям, который отдаление осознает свою ответственность перед народом, деятельнее работает, сильнее развивает критику и самокритику.

Более двухсот горняков города Шахтерская Сталинской области получают во подписке труды классиков марксизма-ленинизма, произведения русских и зарубежных писателей. На снимке: в книжном магазине. Продавец В. Г. Колесников выдает книги подписчикам. В центре — горняк, в руках — журнал «Литературная газета» № 15 М. П. Босенко (слева) и горному инженеру Г. С. Локискиному. Фото С. Гендельмана

ПО СТРАНИЦАМ БОЛЬШЕ ХОРОШИХ ПЕСЕН

Газета «Уральский рабочий» поместила недавно статью Б. Минжоры «Больше песен хороших и разных».

В статье говорится, что композиторы Урала добились некоторых успехов в песенном творчестве. Широко распространение получили песни «За мир над землей» В. Лаврова на слова Л. Соркина, песни об Урале композиторов Н. Хлюпкина и Ю. Олесова, песни «Нам нужен мир», «Звездочка» и «Песня о Свердловске» Б. Габалина и др. Однако, пишет автор, художественные запросы советских людей выросли неизмеримо. Уральцы хотят слушать не только (ставшие, к сожалению, традиционными) громкие торжественные песни об Урале, в которых часто вместо художественного раскрытия образов перечисляются географические богатства Урала или продукция уральских заводов... Уральцы хотят услышать песни веселые, плясовые, которыми можно было бы сопровождать пляски в концертах художественной самодеятельности, а в праздники под такую песню и поплясать дома в семье. Нужны и задуманные песни — воспоминания о событиях недавно минувших дней, и громкие хоры песни в несложном изложении, доступные для любых составов исполнителей.

Статья отмечает, что композиторы плохо знают жизнь и музыкальный быт уральцев. На этом говорят «результаты конкурса на областное песенное об Урале, проведенного Свердловским отделением ССК и редакцией газеты «Уральский рабочий» зимой 1952/53 г. Журни конкурса вообще не нашло возможным присутствовать первую премию. Ни одна из вторых премий не была присуждена ни композитору-профессионалу, ни поэту». «Мало и слабо работают над созданием новых песен», — говорится в статье, — «местные поэты. Можно прямо сказать: полнота творческих неудач свердловских композиторов в области песни происходит по вине поэтов. Отчаявшись найти хороший текст для песни, композиторы обращаются к малохудожественным «стихам», вроде:

Урал звенит, Массивы гранита, Руда и бокситы (!)

— так «поется» в песне Г. Белоглазова «Вершины Урала» на слова В. Тарбеева. Подчеркивая, что нередко композиторы прибегают к усложненной, так называемой «разрушенной» форме песни, газета пишет: «Конечно, нам нужны всякие песни, и, может быть, все попытки сами по себе хороши, как стремление творчески развить песенные формы, но следует еще раз напомнить свердловским композиторам, что уральцы ждут от них простой, предельно ясной по форме, хорошей по тексту, яркой по музыкальному языку песни».

Газета своевременно поднимает некоторые вопросы песенного творчества. Это тем более важно, что вскоре предстоит VII пленум правления Союза советских композиторов, посвященный советской песне.

Алексей ЮГОВ О СМЕЛОЙ МЫСЛИ

Одним из проявлений непрерывного роста культуры нашего общества является огромная потребность массового читателя в общедоступных трудах, являющихся в сущности современной наукой вообще и науки отечественной в частности. Любая область, любой раздел современной знаний влекут к себе многомиллионного советского читателя.

Но ширится не только потребность, — возрастает и требовательность читателя к научно-популярной книге. Давно прошли те времена, когда писателем-популяризатором считался каждый, кто более или менее грамотно мог излагать азы науки. Сейчас в этом благородном деле, наряду с маститыми учеными, участвует ряд писателей и журналистов, обладающих должной подготовкой. Именно к этому ряду принадлежит автор книги «О смелой мысли» Владимир Орлов, инженер, изобретатель и писатель-публицист.

Отличительным качеством популяризаторской работы Орлова является смелость повествования. В небольшой по размеру книге вмещались, не тесня друг друга, многие узловые вопросы физики электричества в неразрывном единстве с электротехникой, физики поверхностных явлений применительно к современной технике.

Книга содержит скатанные и выразительные очерки жизни и творчества таких деятелей русской науки, как Василий Петров, Н. П. Яблоков, А. Н. Лодыгин, Н. Г. Славянов, Н. Н. Бардуров, Е. О. Патон, С. И. Вавилов и др. Эти люди смелой мысли даны в их творчестве, в их жизненном деле, в признании, борьбе. Казалось бы, при такой насыщенности разнообразным содержанием и малом объеме книги невозможно добиться полноты материала. Но пострадала не полнота, а ясность, техника, процесс, описанных в книге, во всех своих звеньях скреплены в единую цепь научных «подтекстов». Этим подтекстом, поначалу невидимым, является идея о внутренней связи явлений.

Мы находим здесь интересный пример того, как научное содержание книги определяет собой ее литературную композицию. Главные эпизоды преиспитаны по отношению друг к другу. Перебивать их нельзя: нарушится построение. Почти каждая глава рассказывает об одном из изобретений смелой мысли отечественных ученых и изобретателей. Рассказ этот асен и драматичен. Нам хочется привести один отрывок такого рода, показывающий характер описания и метод развития темы.

«На московских площадях вырастают каркасы высочайших строений и прутья, как громадные кристаллы. Волонеры отечественных брига свисают со стальных перекладинах, как крошечные отечественные павлины. Ночью кажется, что каркасы высочайших зданий — это клетки, где живут жат-птицы...»

Полтора года назад одиноко стояла дуга в лаборатории академика Петрова. Тщетно рвались ее лучи из узких окон лаборатории и запыливались в черной сетке пустынн академического парка.

А тем временем в темных и чадных кузницах полуугольные кузнецы, насадившись из последних сил, тяжкими молотами склепывали раскаленное железо.

Свет науки не достигал их...

Дальше рассказ переходит к открытию советского ученого Хренова — электросварке под водой.

«Хренов знал, что от жара дуги под водой вздуваются газы, пузырями и внутри него, как в хрустальном шару, сможет мирно гореть электрическая дуга».

«Большое в малом» — этот остроумный, занимательный, во и многотрудный спо-

Владимир Орлов. «О смелой мысли». «Молдавия гвардия», 1953 г.

КНИГА

соб показа научного материала в повествовании без натяжек выдержан автором. С некоторыми как бы вызовом, он нарочно избегает показ величия открытий не «пустяков»: дым, пыль, тень, пыжи и т. д. Но на самом деле это раскаты о большом: о силе человеческого разума, о смелой мысли, умеющей отыскать великое в малом. Раскрыл глубокую физическую сущность этих «пустяков», автор имеет полное право сказать в конце своего повествования:

«Мимолетное, ускользающее, неуловимое помогает нам в труде и в бою».

...Умейте видеть большое в малом».

Книга В. Орлова дает повод задуматься над тем, какие качества позволяют нам считать популяризацию художественной. Пестрым же набором образцового изложения, мы полагаем, является миссия, во-первых, и простотой, во-вторых, что касается первой, то еще Пушкин сказал, что проза требует мысли и мысли — без них блестящие выражения не чему не служат. Под термином «предметности» мы понимаем сиюминутные понятия: определенности и вещности. Самоочевидно, что оба эти качества могут быть достигнуты лишь при том условии, если писатель чувствует себя хозяином в предмете изложения и в родном языке, в его слове. Почти любая страница книги «О смелой мысли» могла бы быть приведена в подтверждение сказанного.

Но и другие приемы образного изложения, как, например, расширенное уподобление, хорошо «работают» в книге. Иногда это уподобление еще более расширяется, что определяет построение целой главы. Примером тому является рассказ о том, как одному историку техника принесла старую картину с изображением двух простых людей из народа. Фигуры были написаны на сплошном черном фоне. Черный фон показывал историю поворотных моментов. История осторожно, ваткой, смоченной в олифах, стал смывать с края черную краску. И тогда из-под ватки появились клочки голубого неба, облаков. Облачно было и влюбм пара. Когда черная краска сошла, оказалось, что на заднем плане — паровозы с большими колесами и с трубой, длинной, как верблюда. История понял, что нашел портрет Чернышевского — гениального изобретателя первого русского паровоза. «Видно, чья-то влад, заставляла кисть поднималась вымывать из истории знаменитое русское изобретение», — пишет Орлов, — «препарат великих русских изобретателей вновь в безвестных людях». Далее автор, используя тот же символ — черную краску, — «сильно и кратко рассказывает о трагической борьбе русского академика Василия Петрова, который за восемь лет до работ Дени открыл электрический дуг. Петров повергся тем не менее неустойчиво травле со стороны парских чиновников вкупе с некоторыми неосторожными, врагами нашего отечества...» (Или изобретения на светоч, замалчиваемый русским ученым, как первые летучие мыши на горящую свечу).

В справедливой борьбе за восстановление истин в вопросах научного первенства книга В. Орлова займет свое почетное место. Конечно, не все на олимпиадном уровне в этой его работе. Местами остается еще неясность описания технической стороны дела. Так, например, как мы из старались, а все же не могли представить, что по вему в «свече Яблокова» никак не мог удержаться «на вершинах стержней осветительных мост». Где-то в стремлении к занимательности автор теряет чувство меры.

...Отдельные эти недостатки ничуть не ослабляют вывода о ценности книги Владимира Орлова.

К. ГОРБУНОВ Новый роман Федора Панферова

1. Федор Панферов знает жизнь не с чужих слов. На созданные нами магистрали, на широкие просторы страны и в закулисы быта, где еще колыхается человечество вчерашнего дня, он смотрит смело и требовательно: домой, рушь гилье! Находи и поддерживай побегу молодости! Но не в каждом случае новое воспринимает о своем пленении на свет громким криком. А старое пытается спрятать в тени или же заигривать под молодость свои одряхлевшие черты. Все это надо видеть, слышать и различать. У Панферова острый взгляд и слух.

Федор Панферов — художник резких красок и звучания, угловатого, но по-своему выразительного почерка. У него люди редко говорят многолюдно и почти не ходят мягкой поступью, а закат — таме пышет, желела «робко догорает». Но характерный его талант даром теряет ориентир, и тогда колоритный рисунок искажают неверные приемы, самобытность превращается в безвкусицу, а своеобразные письма поит чернышние пятна.

Первая книга романа «Волга-матушка река», опубликованная в журнале «Знамя», вызвала большой интерес читателей. В библиотеках и просто при встречах идут споры. Огнем роман правится, другим не нравится, но все сходится на том, что произведение это затрагивает важнейшие вопросы наших дней.

В советской литературе должны быть свободно выражены самые разнообразные стили, манеры и направления. Лишь бы они сливались в одно единственное русло социалистического реализма. Можно и нужно спорить о том, что в романе Панферова звучит полный голосом, а что глухо или фальшиво, но необходимо обсуждать стилистическое мастерство и правдивость таланта, но нельзя обходить молчаливо книгу, как это делает наша критика.

2. В «Волге-матушке реке» получают развитие наиболее сильные черты дарования Федора Панферова, и в то же время все еще очень ощутимы

По мере развертывания сюжета более зримо выступает основной замысел писателя — глубокий и значительный, показанный ему жизнью в те дни, когда в советском обществе вызревали осязаемые явления. Партия своевременно вскрыла эти процессы и за девятнадцать лет своего существования в последующих решениях всемирно-исторического значения указала путь развития.

3. Аким Морев всем существом политическое деятели понял эти решения, призывающие полноту как тем, как в новых условиях должен работать партийный руководитель.

Именно посылка более разносторонних и гибких, отвечающих велениям жизни, форм и методов руководства — это и составляет существо натуры Аким Морев. Раскрытие и художественная пропаганда этих методов являются коренным содержанием «Волги-матушки реки».

На наш взгляд, Панферов, в главном, смело и правильно решил трудную творческую задачу, приблизился к созданию полнокровного и содержательного образа современного партийного работника.

Аким Морев с пониманием дела и со всей страстью рвется служить народу. Это у него организационная потребность. Но в Приволжской области творится нечто странное. При переселении ряда сел из зоны затопления «большой воды» по чьей-то тупости не предусмотрена одна «мелочь»: новоселы оставлены без колодезь. Приволжск встает из руин красавцем, но сами строители ютятся в бывших близназках. Морев яростно оспаривает против таких безобразий. Он обращается в Центральный Комитет партии и получает поддержку.

В борьбе Мореву действительно помогают умный и разительный секретарь обкома по промышленности Александр Пузов, начальник строительства приволжского гидроузла — Ларин, секретаря райкома Астафьев и Ларин, академик Бахарев и другие. Без них Морев был бы всего лишь благородным одиночкой. Они без него вряд ли смогли бы обжить свои селы.

4. До приезда и избрания Морев партия партийной организацией области ряд лет руководил Семен Павловым. Морев — человек волевой, с диктаторскими замашками, умеющий быстро и поспешно ориентироваться в том или ином вопросе, а потом представлять себя знакомым и «привычным» вчитателем.

Перед войной он занимал пост секретаря горкома, а в дни защиты Приволжья от фашистов был начальником штаба обороны — должность доукомплекта, полугра-

жданская. Но Семен Павлович переосмыслил эту роль и представлял себя чуть ли не спасителем города. Вероятно, он своей разительностью все же принес немалую пользу. После войны его избрали первым секретарем обкома. Изображ. надо полагать, учитывать действительные заслуги.

Таким, объективно представляется образ Малинова, если отвлечься от авторских измышлений в трактовке этой фигуры.

Дальнейшая судьба Семена Малинова вытекает от того, в каком направлении он стал бы изменяться после выдвижения на более ответственную пост. Получат ли развитие положительные начала или их паразитически заглушат дурные свойства.

Случилось последнее. Лень и самолюбие обожлали его клейкой паутинкой. Алкоголь разрушил нервную систему. И возник еще один негуд, не менее страшный, чем раз: эгоизм ослепленного власти и потерявшего стыд человека.

Особенно неприятен Малинов в личном поведении, в быту. Он встречает Мореву откровенно пошлыми разговорами: «Обить новую квартиру надо?», «А ты, значит, сюда один... без жены? Ну, конечно, зачем в Тулу ехать со своим сапожаром?»

Правы в семье этого ослепленного феодалом князя таковы, что мало руками пази. Брата своего — подростка-миланца — он за обком «воспитывает» следующим наказанием и поощрением: «А тебе рислину. Хлебай эту жижу... Патеку принес — пей коньяк, четверку — водку, тройку — луй рислину».

Авторитет Малинова катастрофически падает. И чтобы «попереть» репутацию, он обзаводится соответствующим оружием. Это — испорченный приспособлением к власти помощник Петина; являющийся поставщик необходимых дач, второй секретарь горкома Сухомыслов; типичный директор треста совхозов Лосев; Морев — секретарь обкома по сельскому хозяйству, которого «являлся не поймешь»; областной астроном Якутов — законченный обкуртант от науки. В атмосфере гнилых нравов долго скрывался некто Смышляков, он же Раушенбах — адовый обманщик партии, возможно, и прямой враг.

К той компании «работы» примыкал «жучки» и «кадрики», которые чуть ли не обожествлял Малинов и всячески душил критику. Писатель показывает, что катастрофа их закономерна, так как социалистическому обществу, где принципы коллективизма глубоко внедрены в сознание людей, чужды «свердловские», стремящиеся утвердить культ своей личности.

Следует упрекнуть Ф. Панферова в том, что сатирическое изображение Малинова иногда переходит в шарж, но большая за-

служу писателя прежде всего в том, что он на страницах романа темпераментно передает возмущение и гнев народа против бездарных руководителей малолетнего пошля. Смело и на конкретном, глубоко научном материале Панферов вскрыл и за- казанный антинародные деяния горе-работников, врагов всего нового, отколовшихся от жизни, потерявших веру в труд, в трудящихся.

В отрицательных персонажах произведение читателя, несомненно, узнают тех «деятелей», которые еще пытаются громкой фразой прикрыть свою непригодность к руководству, цепляются за старое, отжившее, — узнают и обрывают на них справедливую критику.

5. Вызвавшись из утарного мира малоинтересным, читатель снова устремляет свои взоры к Мореву и его друзьям. И они не обманывают ожиданий. Каждый из них самозабвенно трудится на своем посту. Пузов изживает штурмовщину, лихорадочную крупнейшее предприятие Приволжья — автомобильный завод. Елена Смицкая при поддержке общественности ломает бюрократические преграды, мешавшие ей в научных поисках. Начальник строительства Приволжского гидроузла — горный Ларин шире разворачивает фронт работ.

А как держится сам Морев? Кажется, ему легче всего было бы разогнать всех малиновцев. Но он решает по-иному, по-хозяйски поправляет и воспитывает людей. И вот в председателе объяслком Опарине просыпается самостоятельность, на время подавленная Малиновым. Какие-то шоры начинают сползать с глаз директора треста совхозов Лосева, ранее подогнанного устаревшим инструкциям.

Однако сейчас же следует заметить автору: наметив правильный способ первоиспытания, он не привел достаточно веских художественных мотивировок, убеждающих и подлинным исправлении этих людей. Панферов зачастую ограничивается алекс информационными справками. И потому плохо верить в то, что из малиновцев получаются толковые помощники Морев.

И уже репентное возражение вызывает отношение Мореву ко второму секретарю горкома — Сухомыслову. Позиция писателя в данном случае явнее не оправдана, бережливость оборачивается либерализмом. Ведь уже после выявления всех безобразий в области Сухомыслов написал ардную статью, «теоретическая» как бы обещающая произвол приволжских самоуправов.

А перет этим бюро обкома поручило ему разобраться в делах «жучков» и «кадриков». И Сухомыслов записал в «жучки»

добрую половину партийной организации! Есть ли основания надеяться на «перевоспитание» Сухомыслова?

...Через Моревым встает вопрос: как заставить земли Лосевские родить хлеб? Транспортировка системы введена здесь Якутовым скоропалительно, чтобы сэкономить, но Морев тщательно обследует район. Обращается за советом к старому, ученому молоту молоту колхознику Елазару Натерявичу. И тот, опираясь на многолетний опыт, советует до прихода «большой воды» сеять на аминах.

Но пароний хозяйственный опыт ограничен и местом и временем. Широкие обобщения может дать лишь передовая наука, использующая этот опыт. И вопросы науки во больше и больше занимают места в повестках дня заседаний бюро обкома, в повесточной деятельности коммунистов. Это знаменательное явление верно подмечено писателем.

Однако общество еще не во всем властно над природой. И знания и энергия людей порою вынуждены отступать перед слепым разумом стихий. Эта горькая правда мужественно высказана в «Волге-матушке реке». Ранней весной после оттепели в области вдруг грянул крашайший мороз со свирепым ветром. Степь на сотни километров превратилась в сплошной асфальт каток. Опытный чабан Егор Пряха до полного изнеможения гнал отари, стараясь добраться с ними до кормов, до мест, ставших от отсути. Но овцы, не вынеса жестоких испытаний, падали тысячами.

Разбойный ветер стихил, самоотверженная борьба с нем показаны Панферовым с подлинным мастерством. Изображение здесь так предметно и впечатляюще, что мы как бы физически ощущаем то обжигающий сухой пустыни, то ледяное дыхание степного морозного ветра. И все же драма эта не подбывает веры в конечную победу человеческого разума над произволом разрушительных сил, надобор, мобилизует на решительную борьбу с ними.

Аким Морев слушает по телефону ободряющее сообщение секретаря Центрального Комитета партии Муратова:

«На заседании Политбюро было сказано, что до сих пор люди только оборонялись от злых сил природы. Нам положено от обороны перейти в наступление в всеми разумными средствами, всеми разумными мерами разгромить злейшего врага. Товарищ Сталин сказал: «Мы это делаем в соответствии с думами и устремлениями народа. Советского народа».

(Окончание на 4-й стр.)

Как живут крестьяне в Западной Германии

Предоставим слово западногерманскому крестьянину Альфреду Харту, проживающему в Верхнем Рейне.

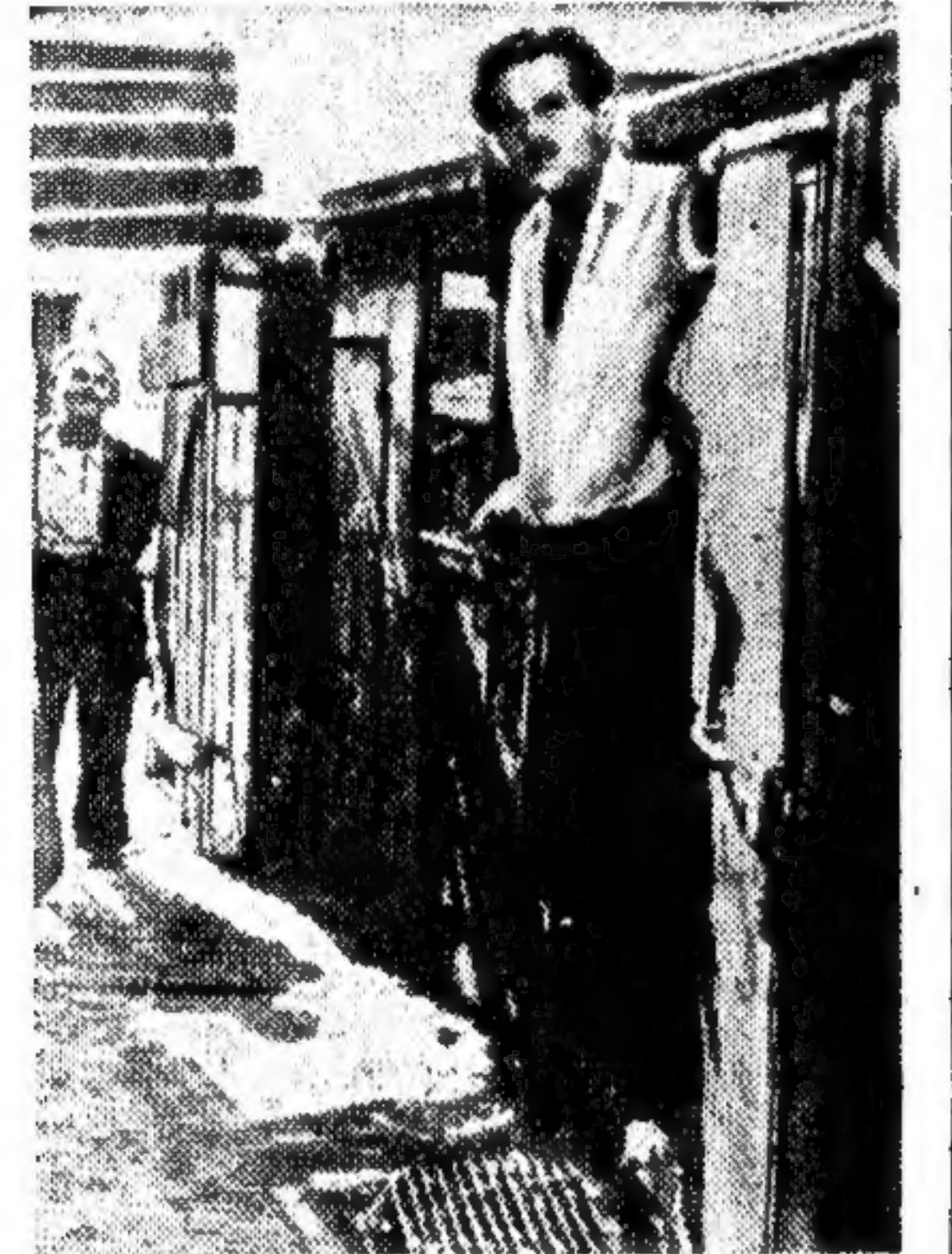
— Недалеко от моего двора находится княжеское имение Гогенцоллернов. — рассказывает Харт. — Я указываю на то, что соседние крестьяне беднеют, что их доходы непрерывно уменьшаются. Представьте себе, он нагдо ответил мне, что в этом виновата... неблагоприятная погода, хотя ему так же хорошо, как и нам, известно, что является подлинной причиной этого положения: непрерывный рост налогов. Импорт нанесет нам последний удар. Цена за импортную пшеницу на 3 марки ниже, чем цена немецкой пшеницы. Так же плачевно обстоит дело с жирами, мясом и овощами. Каким образом я могу купить себе машины? Откуда мне взять на это средства при постоянно падающих ценах? И все это князь Гогенцоллерн называет «неблагоприятной погодой»!

Таковы заботы Альфреда Харту. Его рассказ привел на своих страницах газета «Нейсе Дейтша». А вот как выглядит общая картина жизни крестьян в Западной Германии.

В начале этого года в разных районах Западной Германии проводилось обследование крестьянских дворов. Анализируя результаты этого обследования, буржуазный журнал «Агариандт», выходящий в Гамбурге, пришел к выводу, что западногерманские крестьяне «живут в ужасающих условиях».

За годы пребывания у власти ревизионистской клики Аденауэра около полумиллиона крестьян оставили родные места. Бегство из деревни объясняется очень просто: крестьяне в поисках заработка уходят в города и здесь вынуждены в без толку огромную армию безработных. Но бегство из деревни не вызывает недовольства в Бонне, — признает известный баварский крестьянский деятель Рихард Шерингер. — Чем больше появляется покинутых дворов, тем больше земли приобретают помещики, тем быстрее растет армия безработных и тем больше оснований полагать, что удастся вербовать молодых крестьян в качестве пушечного мяса...

Эта ставка на дальнейшее обогащение крупных помещиков и превращение западногерманских крестьян в солдат ревизионистской клики Аденауэра оведало полумиллиона крестьян оставили родные места. Бегство из деревни объясняется очень просто: крестьяне в поисках заработка уходят в города и здесь вынуждены в без толку огромную армию безработных. Но бегство из деревни не вызывает недовольства в Бонне, — признает известный баварский крестьянский деятель Рихард Шерингер. — Чем больше появляется покинутых дворов, тем больше земли приобретают помещики, тем быстрее растет армия безработных и тем больше оснований полагать, что удастся вербовать молодых крестьян в качестве пушечного мяса...

На окраине западногерманского города Луненбурга возник поселок, «дома» которого построены из старых ящиков, картонных коробок. Сотни трудоспособных мужчин и женщин, потерявших всюкую надежду получить хоть какую-нибудь работу, сидят в этих норуках в самых ужасных условиях. «Этим людям нечего терять; они дошли до предела нищеты», — пишет западногерманское агентство печати. На фото — один из жителей поселка у дверей своего «дома». Снимок из немецкого журнала «Нейсе берлинер иллюстрир».

шистского вермахта вполне соответствует всей политике боннского правительства. При поддержке англо-американских оккупационных властей в Западной Германии была проведена земельная «реформа», которая ничего не дала крестьянам и вполне устраивала помещиков.

Эта «реформа» не только сохранила в полной неприкосновенности земельные владения крупных аграриев, но укрепила их могущество за счет разорения сотен тысяч мелких и средних крестьянских хозяйств. «Отчуждаются не гигантские владения помещиков, которые могли бы обеспечить существование малоземельных крестьян, их сыновей, переоселенцев и сельскохозяйственных рабочих. Нет, отчуждаются земли крестьян-бедняков для того, чтобы укрепить хозяйства крупных аграриев», — говорит Рихард Шерингер.

«Статистический ежегодник федеральной республики» приводит следующие любопытные данные: в Западной Германии на долю 55 процентов всех крестьянских дворов приходится едва 10,9 процента сельскохозяйственной площади. В то же время 0,7 процента крупных хозяйств располагают 29,7 процентами всей обрабатываемой земельной площади. Эта разница в распределении земли станет еще более наглядной, если подсчитать, сколько земли приходится в среднем на душу в каждой группе. По официальным западногерманским данным, в семьях мелких крестьян на человека приходится всего лишь пол гектара земли, а в семьях крупных помещиков — более 530 гектаров!

Так называемая земельная «реформа» в Западной Германии сохранила в неприкосновенности крупные помещичьи земельные владения. Следовательно, экономическая и политическая власть в западногерманской деревне осталась попрежнему в руках крупных помещиков, а также промышленных магнатов, вроде военного преступника Круппа, которому в одном лишь Таннверере принадлежат 4 тысячи гектаров земли.

Но западногерманские крестьяне страдают не только от безземелья. Их давят налоги. «По тысячам наших мелких крестьянских хозяйств тяжело ударяет налоговая политика федерального правительства», — заявил президент Пфальцского объединения крестьян и виноградарей Фрих. Налоговое обложение крестьян при Аденауэре превзошло размер налогов во времена гитлеровцев. В самом деле, крестьяне в Западной Германии платят сейчас с гектара в семь раз больше, чем платили в 1938/39 бюджетном году, т. е. в период подготовки Гитлером второй мировой войны. Но и этого мало. Министр финансов Шеффер предложил дополнительно увеличить до 40 процентов долю отчислений в боннскую казну от доходов западногерманских земель. За счет налогов Аденауэр и его клика хотят покрыть расходы на гонку вооружений.

Завышенные высокие налоги и ростом цен на сельскохозяйственный инвентарь и удобрения, крестьяне залегают в долги. Уже в 1949 году эта задолженность достигла суммарно 2 миллиарда марок. А сегодня в результате хозяйничанья Аденауэра и его клики она превысила 5 миллиардов марок. Крестьяне берут в долг под проценты, которые проценты — выигрывают от этого помещики.

Вот что рассказ об этом огороженки из Западной Германии, участвовавший в качестве гостя на совещании крестьян Германской Демократической Республики в Лейпциге:

— Я просил выдать мне 4 тысячи марок ссуды. За это я должен был выплатить следующее: отдать право на полученный по наследству от отца дом, уплачивать 480 марок в год в качестве процентов, выдать обязательство погасить в течение первого года 2220 марок и выплатить другие кабальные условия.

Жизненный уровень западногерманских крестьян и их семей неуклонно снижается. 0,10, насколько далеко зашло обнищание сельского населения Западной Германии, говорит хотя бы такой факт: по сравнению с довоенным временем реальный доход мелких и средних крестьян уменьшился в среднем наполовину. Очень чувствительно дают себя знать «ножницы» — разница в ценах на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. В настоящее время в Западной Германии цены на промышленные изделия превышают цены на сельскохозяйственные продукты на 18 процентов. А это, разумеется, сильно ударит по интересам крестьян.

Но это — только одна сторона дела. Другая заключается в том, что западногерманские крестьяне не могут сбыть производимые ими продукты. Установить причину такого положения легко: США превратили Западную Германию в рынок для своих товаров. В то время как продукция западногерманских производителей и садоводов гинет на складах, правительство Аденауэра увеличивает ввоз овощей на 40 процентов и фруктов на 30 процентов. Естественно, что немецкие крестьяне, лишённые возможности пользоваться дорогостоящими удобрениями и сельскохозяйственными машинами, заданные оккупационными и другими налогами, не в состоянии конкурировать с американскими производителями, навязываемыми Западной Германией заокеанскими «благотворителями».

В Западной Германии из года в год сокращаются посевные площади. Например, посевы овощных культур с 1947 по 1951 год сократились в несколько раз. Уменьшились также посевные площади под масличными культурами и сахарной свеклой. Издающийся во Франкфурте-на-Майне оккупационный журнал «Дер фольксрихт» в начале этого года признал, что во многих районах Западной Германии пахотная земля вообще больше не обрабатывается. По словам журнала, сокращение площадей пахотных земель в некоторых местностях приняло «угрожающие размеры» и привело к тому, что на карте Западной Германии многие сельскохозяйственные районы стали «белыми пятнами»...

Почему так получается? Ответ на этот вопрос дает политика реиндустризации и раскола Германии, проводимая боннскими ревизионистами. Выходящая в Бонне газета «Нейсе фольксрихт» в конце прошлого года сообщила, что в ходе военных приготовлений англо-американские оккупационные власти конфисковали в Западной

Германии полмиллиона гектаров пахотной сельскохозяйственной площади. В результате этой «операции» 70 тысяч крестьян были согнаны со своих владений. Крестьянское население Западной Германии страдает от американской оккупации. Боннские правители отдали в распоряжение оккупантов огромные территории, лишая сотни тысяч жителей земли и крова и превратили целые области в «мертвые зоны» — полигоны, аэродромы, учебные плацдармы. Всего оккупационные власти конфисковали — с благословения аденауэровского правительства — полмиллиона гектаров возделываемой земли и продолжают захватывать все новые и новые территории.

Стратим бичом для крестьянских хозяйств Западной Германии являются махеры англо-американских войск. Во время недавних учений в Луненбурге были уничтожены 40 процентов всех посевов; на полях одной только деревни Ветцен танки истоптали 330 тысяч квадратных метров засейной площади. Даже по весьма скромным подсчетам боннских властей ущерб, нанесенный сельскому хозяйству Западной Германии маневрами войск западных держав и систематическими реквизициями земельных угодий, исчисляется десятками миллиардов марок.

Правительство Аденауэра проводит политику, глубоко враждебную интересам немецкого крестьянства и угнетая западногерманских помещиков и иностранных монополистов. Вот почему большинство крестьян Западной Германии бьется в тисках нужды и не может свести концы с концами.

У трудового крестьянства Западной Германии есть только один выход. Это — борьба за прекращение реиндустризации, провозглашенной кликой Аденауэра, за мирное воссоединение Германии. «Только таким образом», — подчеркивается в резолюции конференции западногерманских крестьян, состоявшейся в марте этого года в Манштейне, — возможно восстановить единство и свободу немецкой нации, лишь этим путем можно спасти немецких крестьян от полного разорения.

А пока тысячи из них запутываются в долгах и разорении. Других нищета и разорение поджидает в ближайшем будущем. На этот счет имеется красочное заявление бывшего боннского министра сельского хозяйства Никласа, который признал, что в настоящее время под угрозой разорения находятся 700—800 тысяч мелких крестьян, а это составляет почти одну треть всех хозяйств Западной Германии.

Не исключено, что раньше или позже в их число попадет и Альфред Харту, западногерманский крестьянин из Верхнего Пфальца. Но причина тому будет вовсе не плохая погода, как это утверждает его «сосед» — князь Гогенцоллерн, склонный объяснять безвыходное положение крестьян Западной Германии атмосферными явлениями. Ревизионистская политика Аденауэра и К^о — вот первопричина всех бед Альфреда Харту и его соотечественников-крестьян.

Ю. ЗАОСТРОВСКИЙ

Семья штутгартского жителя Альбуса вкушает одну из аденауэровских «свобод» — свободу жить под востром. Снимок из западногерманского журнала «Дер Штерн».

Международная почта

„ОХОТА НА ВЕДЬМ“ В АНГЛИИ

Газета «Рейнголд» приводит ряд фактов, свидетельствующих о том, что в Англии усиливается преследование прогрессивно настроенных студентов и государственных служащих коммунистами; в начале расследования их деятельности, подобно тому, как это практиковал сенатор Маккарти в Соединенных Штатах.

Один из этих людей, Рональд Франкенберг, посл. окончивший Кембриджский и Манчестерский университеты решил поехать работать на Вест-Индские острова — британские владения в бассейне Карибского моря. Однако английские власти запретили ему эту поездку. Министр колоний объяснил, что запрет наложен на политический связной Франкенберга. «Рейнголд» указывает, что «политические связи» Франкенберга выражались в том, что он состоял членом... университетского лейбористского клуба!

Другой случай. Один техник (газета не называет его фамилию, так как еще ведется расследование этого дела) с 1936 года работал на манчестерском почтамте. Во время войны он находился в армии, а затем снова вернулся на прежнюю службу. Недавно его отстранили от работы в связи с тем, что было предпринято расследование его политической деятельности. При расследовании этому служащему почтамта и разразились пользоваться услугами юриста или помощника представителя профсоюза.

Член парламента от лейбористской партии Гринфитс заявил, что он понимает этот вопрос в палате общин, ибо «охота на ведьм» (так в США и Англии называют охоту за коммунистами) кампания преследования прогрессивных элементов «стала угрозой» для честных людей.

ПО РЕЦЕПТАМ ГЕББЕЛЬСА

В западноевропейской печати недавно появились сообщения о том, что боннский «англический» Аденауэр планирует создание министерства министерств по образу геббельсовского министерства пропаганды.

Новое боннское министерство, пишет английский еженедельник «Трибюн», будет иметь власть над газетами, радио и телевидением и полный контроль над внешнеполитической пропагандой. В нем также будет отдел политической разведки. Детали этого плана разработаны, по словам «Трибюна», двумя подручными Аденауэра — Гансом Глобе и Отто Ленном.

Глобе — начальник отдела кадров федеральной канцелярии. Он — бывший нацист. Глобе, пишет «Трибюн», которому поручено составить проект министерства информации, имеет вдохновения у покойного д-ра Геббельса.

Ленн является начальником федеральной канцелярии и шефом Глобе. Во время последних парламентских выборов в Западной Германии Ленн непосредственно руководил переворотом огромных денежных сумм, выделенных монополистами для финансирования аденауэровской партии, из казны западногерманских промышленников в фонд христианско-демократического союза. В благодарность за это Аденауэр поощрил Ленну пост в новом министерстве информации.

Одновременно в «боннской республике» подготовлены проекты закона о контроле над печатью, который «позволит прикрывать газеты, штрафовать журналистов или запрещать им писать», а также закона о контроле над радиопередачами.

Все это свидетельствует об одном: в условиях дальнейшей фашизации Западной Германии обычные методы влияния и воздействия.

Мало, очень мало в романе настоящих представителей народа, о которых так горько высказываются «ведущие» герои.

А вот среди «ведущих» есть определенно лишний человек. Это директор Приволжского автомобильного завода Николай Коробков, которого читатели знают по другим произведениям Панферова. В романе ему уделяется внимание неслучайно. И когда присмотримся, то станем свидетелями: ведь Аким Морев — это тот же Николай Коробков, променявший свою судьбу в «Волгатматшеском» реке.

Нельзя возражать против такой роли основной и против совпадения авторских красок. Но отсюда как раз и следует, что Николай Коробков вместе с женой Татьяной Полововой целесообразнее показать берега «Волги-матшиса» реки.

9. Федор Панферов должен тщательно поработать над языком и стилем романа.

Суховей погубил носовы. Но как передает автор свое впечатление от этой безразличной картины?

«О поле, поле!»

Сколько труда вложено в тебя!

Это ведь он — твой сын — сын земли с самого младенчества, чуть ли не с матерью матери витал в себя любовь в тебе...

действий на протяжении уже не устраивают Аденауэра. Он полностью обращается к реценентам Геббельса.

ГОЛЛИВУДСКИЕ НОВИНКИ

Главный герой кинофильма «Безумный волшебник» не теряет времени даром: сначала он деловито отпихивает голову своей знакомой, а затем, угодив в какой-то стальной ящик, сгорает там дотла... Для того, чтобы зрители имели возможность наблюдать за всеми деталями этого процесса, ящик снабжен специальным окошком. Сквозь застекленное отверстие хорошо видны гримасы ужаса, предсмертные судороги, превращение живого человека в обугленный труп... Как сообщает американский журнал «Тайм», производством этой картины занята в настоящее время голливудская фирма «Колумбия».

То же кинопредприятие собирается выпустить «атомный фильм» под названием «Человек с Марса». Здесь взрыв «якобы» просто-напросто превращает землю; Южный полюс оказывается на месте Северного, а Северный — на месте Южного. Это было бы еще полбеды, но в довершение всего на нашу планету совершают нападение неведомые существа «из мирового пространства». И хотя режиссер еще не решил окончательно, каков будет их вид, одно ясно: жителям земли придется туго!

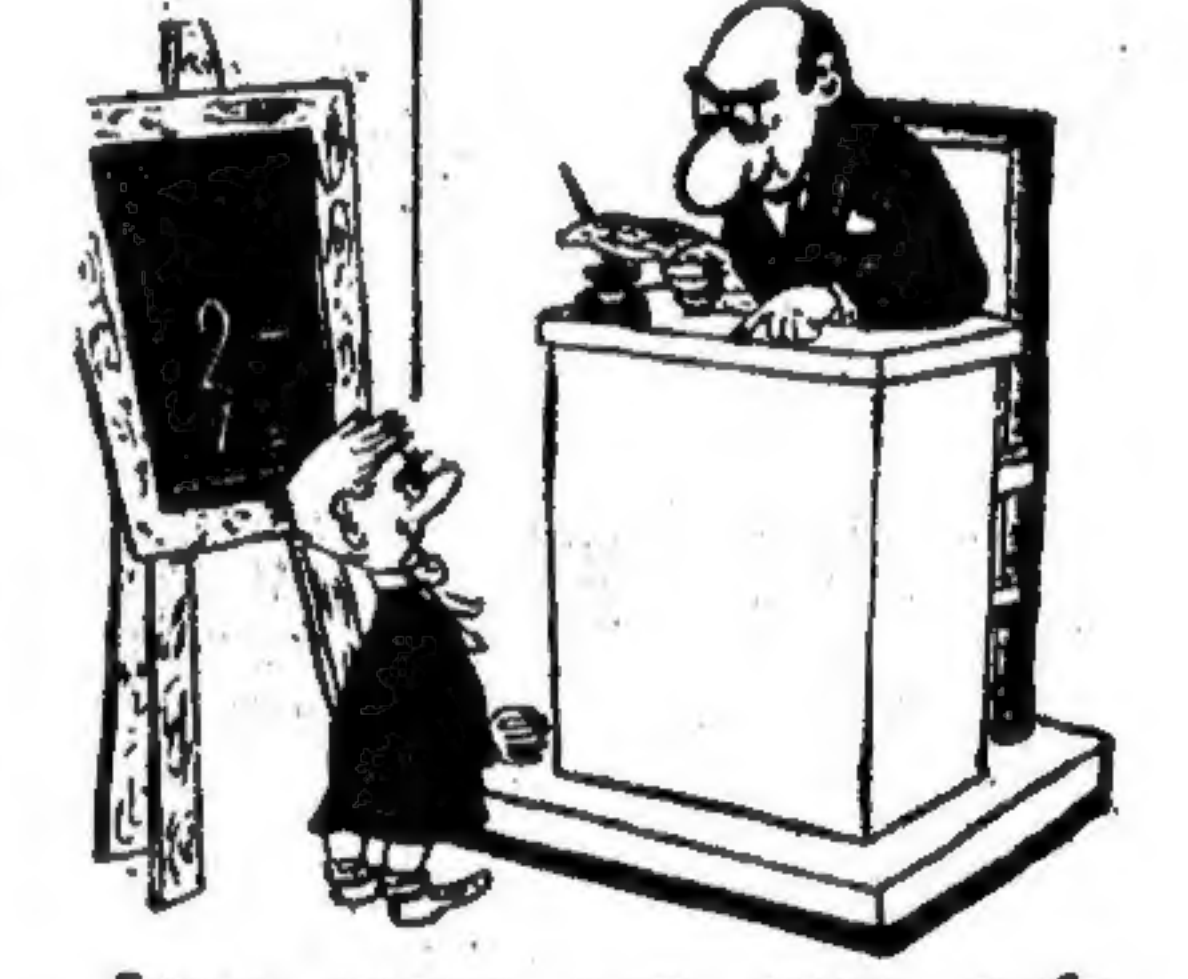
Фирма «Юрнер» снимает фильм «Они», рассказывающий о гигантских муравьях, которые пытаются исключительно человеческой. Студия «Юниверсал-Интернэшнл» готовит кинокартину «Черная лагуна». И тут главное действующее лицо — чудовище, нечто среднее между рыбой, человеком и лягушкой.

Киностудия «Индепендент» работает над постановкой фильма «Великий лесной Ог». Действие происходит на изобретенной в Голливуде планете «Афродита». Кто такой Ог? Он не известно только то, что он в два раза больше обычного человека и что в жилах его течет зеленая кровь. Кошмарные подробности, касающиеся личной жизни Ога, фирма пока не разглашает... Эта же студия выпускает картину «Женщины-кошки с луны». Действие разворачивается на луне, где, разумеется, также нет недостатка в разнообразных ужасах. Заключена лента о двух электронных роботах, которые восстают против ученых и при помощи атомной энергии пытаются уничтожить все человечество.

«Тунтинс сенчури-Фокс» скоро выпустит фильм «Горилла», вырывающийся на свободу. Оказавшись вне клетки, предприимчивая горилла (с помощью не менее предприимчивого режиссера) использует все возможности для того, чтобы заставить зрителя трепетать от страха...

«Преприносильный» режиссер запутал зрителей до полусмерти и при этом выжать из них деньги, Голливуд готовит в настоящее время широчайший ассортимент страшных картин... — пишет журнал «Тайм». Понятие страшную картину представлял собой голливудские новинки: страшную картину духовного ужаса и растений.

В ИТАЛЬЯНСКОЙ ШКОЛЕ

— Синьор учитель, мама просит, чтобы вы сказали адрес того мясника, который во вчерашней задачке продавал мясо по 200 лир за килограмм... Рисунок из итальянского журнала «Лаворо».

Новый роман Федора Панферова

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Во второй книге романа Панферов, вероятно, покажет еще более мощное наступление советских людей на природу. Нет сомнения в полном успехе этого наступления. Хотелось бы автору также сопроводить удачу.

6. Герои романа, так привлекающие нас кипучей общественной деятельностью, были бы отнюдь не лишними, если бы писатель не отвлёкся заглянуть в глубины их сердца. Но наблюдение сокровенных человеческих чувств требует особой прозрачности. Здесь она лишь космическая — неаппетитный спутник. Панферов не ушел этого обстоятельства.

Аким Морев искренно полюбил Елену Синакину, и она со всей непосредственностью откликнулась на его чувство. И вот эти по-настоящему глубокие и романтические отношения двух унылых и высказанных людей еще не отделил писателем в законченную форму.

Аким Морев предан памяти своей покойной жены Ольги. Но здесь струна натянута автором слишком туго и начинала звучать ложно. Морев в бессонные свои тревожные ночи, как бы держит перед собой Олгу, доходит прямо-таки до галлюцинаций. В его облике появляется унылость. Чистое чувство Морев к Елене вызывает уважение. Вдруг наступает весна с ее бурным таинством, и вспыхивают у Моревы такие приступы зоологического буйства, что сразу и неожиданно отбрасывает его к древнейшим пращерам. За героя оскорбляясь, а писатель вызывает удивление: как мог он столь круто изменить рисунок образа?

Любовь Елены Синакиной и Акия Морев сложилась не просто. Однако самый момент, когда все сомнения уже высказаны и расставлены. А писатель все еще ведет прежний, однообразный мотив: Морев терзается ревностью к директору Степано Сидорова Любченко. Тягаста какало-то заводило искусственная игра в недоразумения. И, наконец, размыгивается эпизод уже совсем водоводного плава, когда Любченко всерьез просит секретаря обкома сосватать Елену. Далеко не все оправдано и в отноше-

ниях Ивана Евдокимовича Бахарева и Анны Арбузиной. Не в том дело, что он академик, а она — колхозница, что ему шестидесять, ей — под сорок. Лишь задалый ханжа может усмотреть в этом легкий «смазливый».

Бахарева нашел совершенно правильное объяснение своей влюбленности в Анну: «По культуре разума мы с тобой одинаковы...» А культура разума — это «отношение человека к миру, к труду, к людям». Тут между советским академиком и передовой колхозницей нет резко разделяющих дистанций.

Откуда же возникает беспокойство и ощущение несовместности за Бахарева и Арбузину, особенно за Ивану Евдокимовича?

Остается художественно неусовершенствованным текст о культуре ума. Сад Анна вырвалась в полупустыню великодушный, а вот жажды знаний, самостоятельного горения мысли в ней почти незаметно. Движение образа Анны в романе нет. Она словно застыла в одной и той же позе: со сложенными на груди руками, со своими сомнениями: «Вот я около него, как индюшка: телом полна, а умом пуста».

Иван Евдокимович что-то не ахнет и не развигивает в Анне культуры. Слишком часто он выглядит таким бойким петушком попрыгунчиком, и говорю у него появляется «бублящий». Морев думает о нем: «Большой ребенок... опять междомашними заговорами...»

Ученый, похожий на большого своенравного ребенка, вспыльчивый, но отходчивый и т. п. — фигура далеко не новая. Узнав приехавшегося литературного знакомого, мы не испытываем особенного влечения к нему, как к характеру.

7. То там, то здесь писателем допущены нарушения меры и пропорций, забвение художественного такта и чутья, неразборчивость вкуса, наконец, небрежное отношение к ясности и точности русского слова. Все эти большие и малые творческие ошибки Панферова вызывают некрепкое огорчение тех, кто признает его своеобразный, политический заостренный, но несомненно организованный талант.

Путешествие Морев по многим интересным, познавательным, а по тону лирично. Но

он слишком растянута. Почти вся первая часть произведения не что иное, как не померно разросшаяся, в целом довольно статичная экспозиция. Морев здесь пассивно наблюдает да порою преждевременно резонировать. И что дает Мореву право на почтующий тон? Авторитет еще не заработан, и автор ставит героя в ложное положение.

Нечто подобное происходит с Моревым и на пленуме обкома, где его будут выбирать секретарем. Морев, выступая, приняв провинциально-актерскую позу и, являя желая заигрывать слушателей, «замеренно заговорил так: «Давайте помечтаем, товарищи!» В том же тоне, и уже выходя в литературную, он рассказал о том, как мятался Маяков, Дон-Кихот, Растигьян, не забыв обозначать правду мечтаний советских людей. Нало оратору плохо представлять себе аудиторию, чтобы держалась столь напыщенно.

Так потеря чувства меры приводит к результатам, совершенно не похожим на те, к которым стремился писатель.

Или вспомним первые дни знакомства Акия Петровича с академиком Бахаревым. Они не сразу «спиритизуются» друг к другу. Но нельзя же путать серьезность с откровенным неуважением. Вот, например, мысли Морев о Бахарева: «Не хочется себя дурачком выставлять перед ним. Как-нибудь нарвется на меня... Я ему такого накручу из инженерии, что у него глаза на лоб полезут».

И, действительно, «накрутил». Куныя стертая, решил усмирить и спутника. Шепетливый Иван Евдокимович интересуется, сколько вылачено за рыбу. Морев отвечает: «Пустыня».

— Пустыня! — голос академика потрубел. — Сколько с меня?

— До чего занозистый... и... — в уме Акия Моревы навернулось такое грубое слово, что он постарался его тут же замять... и все-таки резко пропало: «А вы, товарищи академики, сидите на берег, а вы берите себе стерженьки и спросите у товарища, сколько с вас причитается». И приказал официантке убрать второй прибор.

Бахарева в отместку обозвал по себе спутника «шутком гороховым». По мнению автора, это всего лишь обобщая «запознание». Что же тогда можно назвать оскорблением?

И уже в кричащее противоречие с художественной логикой писатель впадает

там, же хочет объяснить, по какому же печальному недоразумению Малинов попал на высокий пост.

В романе неоднократно упоминается, что Малинов когда-то «гремел», да вот «догремелся», что он был «первачом».

Но где же показ этого бывшего богатыря, хотя бы в отраженном плане? Обращаемся к биографии Малинова. Оказываются, что в институте он сразу «увертелся», т. е. ловко увернулся от экзамена, «получив диплом инженера, но не знания». Дальше карьера его строится на сплошном откорме откормителей. А потом Малинов предстает эдаким алкоголиком, самодуром и шарлатаном.

Так за что же его вытаскивали на столь ответственную работу и чем он неоднократно «произошел впечатлений»? Значит, были у Малинова и действительно заслуги, о которых Панферов забывался, да умчал. Значит, надо было показать и доказать психологический процесс страшного падения человека, от чего писатель уклонился. И получилась несерьезно. Слишком много было доверено Малинову, и слишком много нанес он вреда, чтобы все свалить на одну его глупость.

8. В положительных героях «Волгатматшеской реки» заложено много хорошего, однако их работа и стремления к дальнейшим достижениям раскрываются преимущественно во встречах и разговорах с Моревым. Все они как бы отчитываются в результатах своего труда. Их мало видишь за самим делом, на самостоятельной работе. Герои страдают статичностью, характерам их нечего как следует развернуться. Да и драматургия романа проигрывает: не развивается, а тянется вперед за Моревым по одной прямой.

Нафос «Волги-матшиса реки» — все для счастья народа. А вот представителей народной гудки можно в произведении буквально по пальцам пересчитать. Да и те энзимистичные, прохладные фигуры.

Это носитель «дух правды» Елизар Панкратович да старый чабан Егор Яхухин, участвующие в двух-трех сценах. Они активно помогают выражению главной идеи романа и свидетельствуют об умении Панферова создавать большую роль из незначительных реплик. В чабану и «правдолюбу» можно прибавить еще трех шоферов, новаров из пархоза за уже совсем безликих статистов — бригадир Васи Журавлева и стареющая Онуфьева.